

1 2 ИЮЛ 1951

ЛИДА ПЛАХА,
артистка Национального театра в Праге

Как я играла роль Лиды Плахи

Пьеса украинского драматурга Ю. Буряковского «Прага остается моей», посвященная национальному герою Чехословакии Юлиусу Фучику, переведена на чешский язык и поставлена в Национальном театре в Праге. Роль Лиды Плахи, связанной и помощницы Фучика, тепло описанной им в «Репортаже с петлей на шее», исполняет в спектакле действительная героиня «Репортажа» — Лида Плаха. По просьбе «Литературной газеты» артистка написала публикуемую ниже статью, рассказывающую о том, как она работала над ролью.

В начале декабря прошлого года я узнала, что наш театр в ближайшее время приступит к постановке пьесы Ю. Буряковского «Прага остается моей». Я получила роль Лиды Плахи. Я сознавала, что мне предстоит решить нелегкую задачу. Я не знала, стремиться ли мне сыграть только самое себя, стараясь воспроизвести в памяти и повторить на сцене все до мелочей так, как было, или следовать за обобщенным образом, созданным драматургом. Я была в нерешительности...

Мне хотелось в этой роли сыграть образ женщины, ка-ких я немало видела в пражской тюрьме Памкратце, — избитых, измученных, но отважных и несломленных. Я хотела, чтобы зритель понял, что придавало нам

силы передать мужество коллектива, который и в гестаповском застенке поддерживал и воспитывал людей.

Таким образом, я невольно начала вспоминать. В моей памяти оживали многие забытые дела и образы, которые прямо или косвенно были связаны с пьесой. Во второй картине есть сцена, в которой Фучик спрашивает Лиду, что бы она сказала, если бы ее приняли в партию. И вот я во всех подробностях вспомнила события, предшествовавшие моему вступлению в партию.

Это было зимой 1941 года. Воскресное утро. Я стояла у большой карты Советского Союза, которая висела у нас дома на стене. Вдруг Фучик меня спросил, эскипировано какое-то, я уже не помню сейчас какое, местечко фашистами, или оно занято Красной Армией? Я не знала. Я не считала тогда нужным читать протекторатные газеты. Да и вообще у меня не было еще привычки читать газеты. Я из крестьянской семьи, и у нас дома часто не было ни кроны, не только на газету, но и на хлеб. А кроме того я всей душой, всем сердцем и без того была убеждена в победе Советского Союза. Когда я ответила Юлиусу, что не знаю, он долго смотрел на меня, а потом сказал: «Не думай, что для партии достаточно, если ты сделаешь какой-нибудь смелый, отчаянный поступок. Ты должна постоянно, не переставая, учиться. Только верить недостаточно, надо знать».

После этого разговора я не пропускала ни одного важного газетного сообщения. Когда я начинала думать о том, чтобы

стать членом партии, я говорила себе: «Еще рано, я еще недостойна...».

Через некоторое время мы с Фучиком возвращались с заседания подпольного Центрального Комитета, и по дороге он сообщил мне, что в партию я уже принята. У меня перехватило дыхание, и глубокая благодарность преисполнила мое сердце. Благодарность к партии за доверие, за возможность бороться бок о бок с ее лучшими людьми.

Обо всем этом я постоянно думала, работая над ролью. Вспоминала и о том, как Фучик помогал мне готовиться к экзаммену в Театральное училище и как позднее в гестапо он поддерживал всех нас своей улыбкой, своими советами.

Сцена из восьмой картины пьесы Ю. Буряковского «Прага остается моей». Роли исполняют: Юлиус Фучика — Витезслав Вейражка, Лиды Плахи — Лида Плаха, Мирека — Йозеф Минса

Еще одно воспоминание, которое, хотя и не столь непосредственно, но все же связано с одной из сцен пьесы. Воспоминание о моей матери. Перед отправкой в Берлин на суд следователь позволил нам повидаться с родителями. Я очень ждала этой встречи, мне хотелось хотя бы на минуту посмотреть маме в глаза, хотелось хотя бы взглядом поддержать ее. Ведь я знала, что мы, моя сестра и я, были для нее всем на свете и что наш арест — страшный удар для нее. Меня привели в канцелярию, отец с матерью были уже там. Нам не позволили обняться, и мама приласкала только взглядом. Но ее взгляд не был ни грустным, ни растерянным. А когда через несколько минут меня увидели, она спокойно и твердо сказала: «Лидушка, не грусти — вы вернетесь. А если нет — вы знаете, ради чего». Как она это сказала!

А ведь это была простая женщина, всю жизнь не знавшая ничего, кроме работы.

И так воспоминания, действительность и пьеса понемногу слились в одно целое. Вместе с остальными актерами мы обсуждали отдельные сцены; я рассказывала им о героях пьесы, и еще никогда в Национальном театре мы не работали с таким подъемом и так дружно, как над этой постановкой, которая была для нас больше чем произведением искусства. Каждый из нас переживал отрезок своей собственной жизни, отрезок жизни, которую нельзя отделить от борьбы коммунистической партии за свободу нашей родины.

ПРАГА, июль